

К вопросу об атрибуции некоторых чарок из коллекции Музея исторических драгоценностей Украины.

Среди произведений декоративно-прикладного искусства, собранных в Музее исторических драгоценностей Украины (МИДУ), немало предметов, историческая ценность которых, безусловно, возрастает, поскольку они связаны с историческими событиями и личностями. Специально гравированные дарственные надписи, посвящения и гербы, а также непрофессионально процарапанные надписи и знаки помогают проследить «исторический путь» экспоната, определить не только имя ювелира, но также имя заказчика или владельца предмета.

В собрании МИДУ хранится коллекция чарок работы русских, украинских и западноевропейских мастеров (более 300 ед.). Среди них - четыре уникальные чарки, принадлежавшие, вероятно, Роману Копе - архимандриту Киево-Печерской Лавры. Две из них (ДМ 1062 и ДМ 1069) представлены в экспозиции, две (ДМ 1083 и ДМ 1086) – в фондах.

Известно, что чарка в качестве небольшого сосуда для питья крепких напитков была особенно распространена в XVI, XVII и XVIII вв. Хотя, очевидно, серебряные чарки использовали и ранее. Вероятно, сосуды такого типа позаимствованы у восточных народов. О.А. Митько относит чарки к отдельному виду столовой посуды древнетюркского времени, поскольку в археологических памятниках (в частности, из погребений с Енисея и Толы) они хоть и реже, чем другие сосуды, но встречаются¹.

Самая ранняя из известных опубликованных чарок найдена в результате раскопок разграбленного кыргызского могильника, проводимых кыргызской группой Красноярской экспедиции. Это серебряная чарка высотой 6 см, чеканной работы, богато украшенная, с надписью. На основании анализа изображений и надписи ее датируют IX-X вв.²

На землях Восточной Европы чарки были одним из самых распространенных видов питьевой посуды. Из них пили крепкие напитки – меда, вина, водку. Павел Алепский, путешествовавший с антиохийским патриархом Макарием, в своих воспоминаниях о приеме у гетмана Хмельницкого в Богуславе в 1654 году упоминает о том, что на стол подавали «миски с водкой», которую пили ложками (чарками)³. Видимо, речь идет о чарках-черпачках ложчатой формы, характерной

для XVI-XVII вв. М.З. Петренко их называет чарками в форме мисочки с держачком. Это были небольшие низкие сосуды, имеющие вид маленькой чары, чаще всего плоскодонные, с литыми, горизонтально припаянными полочками-ручками, которые являлись главным украшением чарки. В XVII в. чарка иногда устанавливалась на поддон или ножки-шарики.

Почти все дошедшие до нашего времени чарки относятся к XVII-XVIII вв. Ранних сохранилось немного, среди них чарки Ивана Грозного⁴.

Если в XVI-XVIII вв. чарки по форме почти однотипны, то в XVIII в. они более разнообразны. Распространенными являются чарки полусферической формы в виде округлой, овальной либо граненой чашечки с одной или двумя ручками, а также в форме цилиндрического, а иногда чуть расширенного кверху стаканчика.

Порождением конца XVII - начала XVIII вв. являются и специфичные чарочки-колпачки - так называемые непроливайки⁵. Их использовали на пикниках, на охоте, во время путешествий. После наклона в одну из сторон чарка возвращается в исходное положение благодаря невысокой и округлой (шаровидной) форме корпуса (эффект ваньки-встаньки).

Чарки такого типа - полусферической формы, без ручки, с выгнутым дном, позолоченные, внутри гладко полированные, снаружи канфаренные - имеют большое количество аналогий. Они достаточно многочисленны и в нашей коллекции (ДМ1058 – ДМ1067, ДМ1069 – ДМ1084, ДМ1086, ДМ1088- ДМ1090), и в других музейных собраниях: в Киево-Печерском Заповеднике, в Черниговском историческом музее⁶, в Оружейной Палате⁷. На многих из них вырезан герб владельца. Известно 18 подобных чарок с клеймом Ивана Равича. Большинство из них (15) хранятся в Черниговском историческом музее, одна – в Оружейной Палате. Особенно интересны две чарки с гербом гетмана Розумовского из Государственного исторического музея в Москве⁸.

В Украине и в России такого типа чарки были популярны также среди казацкой старшины и высшего духовенства. Известны чарки с гербом генерального судьи Войска Запорожского Якова Ивановича Чарныша (ЧГИМ, № 3619), с гербом генерального хорунжего Войска Запорожского Николая Ханенко (ЧГИМ, № 3585), с гербом митрополита Тимофея Щербацкого (ЧГИМ, № 3620)⁹.

Совершенно очевидно, что в монастырском быту чарки использовали и ранее. В Троице-Сергиевой лавре было развито местное производство

серебряной посуды, поскольку существовала большая потребность в чарках, а также в малых братинах, предназначенных для пиршественных обедов в монастыре. Считают, что чарки и братины, выполненные Троицкими мастерами-серебряниками, составляют больше половины по отношению к тем, что поступили в монастырь в качестве вкладов¹⁰. Известны именные чарки, хранящиеся в коллекции Сергиево-Посадского музея-заповедника и некогда принадлежавшие троицким старцам. Один из них - знаменитый келарь Арсений Суханов, возглавлявший хозяйственную службу монастыря, автор сочинений, посвященных обрядам русской и греческой церковью. Ему принадлежали 3 чарки из собрания Троице-Сергиевой лавры. Другому известному старцу – Леонтию Дернову, возглавлявшему в 1666-1675 гг. казначейскую службу, принадлежали две уникальные чарки, выполненные из оправленных в серебро перламутровых пластин¹¹.

Чарки-непроливайки из коллекции МИДУ (ДМ 1062, ДМ 1069, ДМ 1083 и ДМ 1086) серебряные с позолотой, h – 45 мм, d – 67 мм, типичны по форме и основному декору, созданному по принципу сплошного пунцирования, превращающего поверхность в шероховатую, напоминающую змеиную кожу, контрастирующую с гладко полированной позолоченной внутренней поверхностью и профилированным пояском, который проходит по венчику (рис.1). При этом отличительной чертой и уникальностью чарок является наличие на их внешней поверхности гравированного герба Романа Копы - архимандрита Киево-Печерской лавры (рис.2). Герб заключен в окружность, не позолочен. В центре фигурного гербового щитка – кавалерский крест на крупной цепи. Щит увенчан митрой, а за ним - скрещенные посох и епископский жезл. Намет в виде завитков аканта. Вокруг акантового обрамления вырезаны монограммы: Р(оман) К(опа) А(рхимандрит) Л(авры) К(иево) П(ечерской).

Живописное изображение Романа Копы (с гербом в левом верхнем углу) - один из немногих дошедших до нашего времени портретов «ее (К-П лавры) деятелей и благодетелей»¹², хранится в Национальном Киево-Печерском историко-культурном заповеднике (инв. № КПЛ-п-482) (рис.3). Впервые опубликован в каталоге выставки «Украинский портрет XVI - XVIII веков», изданном Национальным Художественным музеем Украины в 2005 году.

Роман Копа происходил из купеческого звания, как писал протоирей Титов, «из протестов»¹³. Уроженец малороссийского городка Погара¹⁴.

Родился в 1677 году в благочестивой семье, воспитывался в смирении, послушании и любви к Господу, чувствовал большое расположение к монастырской жизни¹⁵. По данным лаврского архива, обучался только «русскому писанию», то есть высшего образования не имел. В возрасте 23-х лет был пострижен в монашество в Киево-Печерской лавре при архимандрите Иоасафе Кроковском. Уже через год, в 1701, Роман был возведен в сан иеродиакона епископом Переяславским Захарием Корниловичем, а в 1716 году митрополитом Иоасафом Кроковским был возведен в сан иеромонаха и вскоре назначен игуменом приписанного к Киево-Печерской лавре Змиевского Николаевского монастыря, «показав честное и другим образцовое игуменское начальствование, им первым прославленное, им упользованное»¹⁶. В 1719 году игумен Роман как представитель лавры был отправлен к Петру Великому с ходатайством подтвердить все жалованные грамоты, погибшие в большом пожаре 1718 года¹⁷. Вскоре Роман Копа был избран заместителем Киево-Печерской лавры, «принял на себя труд попечение испепеленные вся в прежнем своем чину, крепости и числе поставить и поставил, с немалым даже здравия своего уроном». В феврале 1727 года он был представителем Киево-Печерской лавры на коронации Петра II. Вскоре после этого по поручению Святого Синода Роман доставил из Москвы в Петербург 50 антиминсов. В конце этого года он подал просьбу в Святой Синод о разрешении печатать «православным народом благопотребных книг: молитвословов, акафистов, житий св. отец, алфавитов», что в следующем году было разрешено Святым Синодом указом 21-го февраля¹⁸.

Когда в 1730 году, 12 ноября, умер архимандрит лавры Иоанникий Сенютович, Иностранная коллегия предложила выбрать на его место «из иеромонахов того же или других монастырей киевской епархии». Киевский архиепископ Варлаам Вонатович с лаврской братией представили шесть кандидатов, и первым из них был Роман, как «от старейших мужей летами, заслугами и житием свидетельствованный»¹⁹. Императрица Анна Иоанновна по настоянию Феофана Прокоповича - президента Синода, назначила не предлагаемого лаврой Романа, а Харьковского архимандрита Платона Малиновского. Причина неприязни Феофана была связана с тем, что Роман дал против него официальные показания во время судебного разбирательства в деле Маркелла Родышевского, засвидетельствовав, что в библиотеке лавры действительно есть сочинение Афанасия Великого, переработанное («перемаранные

рукой Феофана») несогласно с православием²⁰. Братия лавры, считая Романа более достойным, отказалась принять Платона и отправила к императрице соответствующее прошение «чтобы в Печерской обители Платону архимандритом не быть, а быть бы Роману»²¹. По докладу Иностранной коллегии, 18 апреля 1730 года назначение Платона было отменено. «Роман по фамилии Копа, из наместников Лавры посвящен в сан 1730 года, июня 12 в Москве, и утвержден Высочайшею Грамотою того же года июля от 23 дня»²². Обряд провел архиепископ нижегородский Питирим во Всесвятской церкви московского Измайловского дворца в присутствии императрицы Анны Иоанновны²³.

Роман Копа в служении своем искал «не чести, но дела», «умело продолжал обновление и благоустройство Лавры, начатое его предшественником»²⁴. А. Страдомский в своем поминальном слове на погребении Романа Копы отмечал, что внешность его была «вся от добродетели сложенная», это был муж «высочайшего рассуждения», «с кем ни говорил, того как магнитною стрелою сердце поразил». За шесть лет своего настоятельства он сделал так много для лавры, сколько другой и за десять лет не сделал бы²⁵. Одним из первых действий, предпринятых Копой в должности архимандрита, по сведениям Евгения Болховитинова, было торжественное перенесение мошей первого митрополита Михаила из пещер в Успенский собор.

В 1731 году, 25-го мая, он заложил лаврскую колокольную по плану знаменитого архитектора И.Шеделя, при нем же был вылит большой колокол в 1000 пудов²⁶; «другие здания в лучшие благолепия одел»; увеличил «благолепие внутреннее церковное, ему же он своим иногда пособил именем, а иное и все собою поделал». В период служения Романа архимандритом была восстановлена после пожара 1718 года живописная роспись стен Успенского собора²⁷.

Конец 1735 года выдался нелегким для Романа: возникли определенные противоречия с могущественным Синодом. Святой Синод принял решение об отмене печати в лаврской типографии «Календарей или месяцесловов», так как они представляли из себя «перевод с польских календарешков», содержащих различные, в том числе и астрологические, сведения, «и теми самыми астрологишками за суетна и ложна признаваемы суть и потому весьма ни к чему годны»²⁸. Роман не согласился с решением Синода. В своих представлениях он указывал на распространенность этих календарей, разнообразие и массу

полезных сведений, содержащихся в них. Чем закончилось это противостояние, неизвестно. Возможно, этот конфликт подорвал здоровье архимандрита. После продолжительной болезни 13-го сентября 1736 года Роман скончался. Любившая и почитавшая его братия провожала архимандрита искренними слезами. Роман Копа был погребен у западной стены правого (южного), придела Успенского собора, устроенного во имя Святого Иоанна Богослова и названного Богословским²⁹.

Чарки с гербом Романа Копы хранились в старых фондах Исторического музея им. Т.Г. Шевченко в Киеве. В 1934 году их сдали в Киевскую контору Госбанка СССР (акт №19 от 8-9 февраля 1934 года). Во время Великой Отечественной войны чарки эвакуировали в Уфу, откуда их вернули в Гохран, в Москву, а затем передали в Киевский исторический музей. Здесь они были поставлены на инвентарный учет 13 августа 1948 года. В МИДУ чарки хранятся с 1964 года (акт передачи от 20.09.1964 г.).

На внешней стороне донца каждой из трех чарок (ДМ 1062, ДМ 1069 и ДМ 1086) проставлен единственный оттиск – клеймо мастера Матвея Наруновича, работавшего в Киеве в 1735-1744 годах (рис.4). М.Н. Постникова-Лосева назвала его «выдающимся серебряного дела мастером»³⁰. М.З. Петренко в своем фундаментальном труде, посвященном украинскому золотарству, писал, что данное клеймо («МН») принадлежит анонимному мастеру, оставившему после себя необыкновенно ценное наследие³¹.

Информация о времени работы мастера и наличие герба владельца чарки дает возможность достаточно точно датировать предмет. Поскольку Роман Копа был архимандритом с 1730 по 1736 годы, а работы Наруновича известны с 1735 года, то чарки с большой долей вероятности были выполнены в 1735-1736 гг.

Чарка ДМ 1083 совершенно идентична по форме и декору, на ее внешней поверхности также гравирован герб Романа Копы (рис.5). На донце четкий оттиск городского клейма (Вроцлав, 1655-1725 гг.) и именного – мастера Даниэля Вольфа («DW» в горизонтальном овале)³². Годы работы мастера (1676-1712) позволяют датировать предмет не ранее 1676 и не позднее 1712 года. Чарки работы Матвея Наруновича более поздние, хотя совершенно очевидно, что герб на каждой из четырех чарок вырезан рукой одного мастера. Вероятно, украинский златокузнец по желанию заказчика изобразил герб Романа Копы на вроцлавской чарке, а затем выполнил еще три по такому же образцу.

На внешней поверхности донца каждой из четырех чарок процарапана цифра 24. Этот факт стоит особого внимания, поскольку в коллекции

МИДУ хранятся аналогичные чарки с подобными пометами, которые, возможно, позволят открыть имена их владельцев.

Аналогичны чаркам с гербом Романа Копы чарки ДМ 1061, ДМ 1076, ДМ 1078 и ДМ 1082. Они имеют такую же форму и декор, но изображения на канфаренном корпусе отсутствуют.

На внешней поверхности дна – полный набор клейм:

- клеймо мастера Матвея Наруновича;

- проба – 12 в овальном щитке, означающая, что в единице лигатурного металла содержится 50% серебра (в XVIII веке в Украине использовалась каратная система пробы; на серебряных изделиях этого периода встречаются пробы от 8 до 14)³³;

- клеймо города – в овальном щитке «KIOV» (такое начертание на клеймах известно с 1735 по 1774 годы).

Пробирные мастера в Киеве оставляли свои знаки несколько позднее – известны клейма с 1778 года.

На дне каждой из этих чарок процарапана цифра 25, а также гравированы буквы LB. (рис.6). Возможно, это инициалы владельца – Луки Белоусовича, 42-го лаврского архимандрита. Известно, что он родился в 1706 году в Гадяче, в семье малороссийского казака. Служил писарем. В 1733 году, при архимандрите Романе Копе, был пострижен в монашество. В этом же году киевский архиепископ Рафаил Заборовский рукоположил его на иеродьякона, через год – на иеромонаха. В 1745 году Лука Белоусович определен наместником Брянского Свенского Успенского монастыря. Опись монастыря свидетельствует о том, что при Белоусовиче были отлиты два колокола: 138-пудовый в 1748 году и 300-пудовый в 1749 году. В том же году он заложил соборную Успенскую церковь и построил каменную ограду³⁴. Показал себя как «очень деятельно и с большою пользою для обители правивший ею»³⁵. Вскоре он возвратился в Киево-Печерскую лавру, в число братии, где был избран в печерские архимандриты и «посвящен в сей сан в придворной петергофской церкви петербургским архиепископом Сильвестром, в присутствии императрицы Елисаветы Петровны, 21 июня 1752 года»³⁶. В своей деятельности архимандрит Лука Белоусович пытался возродить старые лаврские традиции. Поддерживал тесные отношения с киевомогилянцами из числа печерской братии. В конце 1760 года обратился к митрополиту Тобольскому и всей Сибири Павлу Канюскевичу и к епископу Нижегородскому и Алатырскому Феофану Чарнуцкому

с просьбой помочь в приобретении кровель для Успенского собора, трапезной и типографии³⁷. Скончался Лука Белоусович 30 марта 1761 года. Похоронен там же, где Роман Копа, – в Богословском приделе Успенского собора Киево-Печерской лавры.

Среди известных заслуг Луки Белоусовича – строительство каменной церкви во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских в «лаврском имении Василькове»³⁸. Среди фактов, малоизвестных даже киевлянам – причастность Луки к основанию ныне знаменитых элитных киевских «Липок». Именно Белоусович посадил там первые липы. Еще молодая, посаженная в 1750 году липовая аллея, была использована для устройства первого в Киеве бульвара, созданного в 1810-1812 гг. стараниями генерал-губернатора графа Михаила Милорадовича. Подробных описаний бульвара не сохранилось, но упоминания о прогулках по теперешней Липской улице в записках 1810-1820 гг. встречаются часто. Первую историческую справку о бульваре составил после войны 1812 года директор Киевской гимназии Мышковский. Н.Тарановский в своём путеводителе 1883 года утверждает, что бульвар Милорадовича существовал на Липках до 1833 года. О судьбе лип, посаженных архимандритом Лукой, он пишет, что «некоторые деревья сохранились в садах и по настоящее время»³⁹.

Список аналогий продолжают 9 вроцлавских чарок.

Восемь из них (ДМ1058, ДМ1059, ДМ1071, ДМ1072, ДМ1074, ДМ1075, ДМ1079, ДМ1081) выполнены одним мастером - Йоганном Готтлобом Боттгигером⁴⁰ (рис.7). На основании клейм чарки можно датировать 1761-1771 гг. Все они имеют цифровую помету на доньшке – «26» и буквенную – прописные «F» (либо «I» в начертании, иногда используемом в XVIII в.) «D» (рис.8).

Одна из 9 указанных вроцлавских чарок (ДМ1073) выполнена другим мастером, Йоганом Готтлобом Шмидтом, и несколько ранее – в 1731-1737 гг.⁴¹ Интересно, что цифровая помета на донце такая же – «26», буквенная же иная – инициалы «S.A.D». С большой натяжкой можно было бы предположить, что буквами помечены инициалы владельца – Серапиона Александровского, митрополита Киевского и Галицкого, священноархимандрита Киево-Печерской лавры с 1803 года.

Среди чарок с пометой «26» – аугсбургские чарки работы Йоганна Митнахта (ДМ1060 и ДМ 1080), датируемые не позднее 1732 года⁴². Буквенных помет на донце нет. Также из Аугсбурга чарки ДМ 1088-1090 работы

мастера, ставившего клеймо «ICB», датируются на основании городского клейма 1765-1767 гг.⁴³. На донце каждой из них процарапана цифра «28».

Совершенно очевидно, что цифры – это не пометка мастера. Во-первых, они процарапаны грубо и непрофессионально, во-вторых, все упомянутые чарки выполнены в разных ювелирных центрах. Одно из предположений состоит в том, что все эти чарки были на учете в монастырском хозяйстве, и цифрами отмечена принадлежность к одному комплекту. Причем, похоже, комплекты «24» и «25» помечены одной рукой, «26» и «28» – имеют другое, специфическое, начертание.

Буквенные же обозначения нанесены, безусловно, рукой профессионала – либо того, кто изготовил изделие, либо позднее другой гравер так обозначались инициалы владельцев чарок. Таким образом, можно полагать, что в коллекции МИДУ хранятся четыре чарки, принадлежавшие архимандриту Романе Копе, и четыре, принадлежавшие, вероятно, Луке Белоусовичу. Открыть тайну инициалов «F (I?) D» пока не удалось. Во всяком случае, они не соответствуют ни именам лаврских архимандритов, ни именам известных монастырских деятелей или других исторических личностей, связанных с историей Украины конца XVIII-XIX вв.

Вполне возможно, что новые источники и аналогии в совокупности с уже имеющимися данными помогут проследить историю предметов, открыть имена их владельцев.

Литература

¹ Митько О. А. Образ грифона в искусстве народов Евразии в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Вып. 2. Горизонты Евразии: Сб. науч. статей. – Новосибирск, 1999. – С. 7-10.

² Гаврилова А. А. Сверкающая чаша с Енисея (к вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтае) // Бронзовый и железный век Сибири / Материалы по истории Сибири. – Вып. 4. Древняя Сибирь. – Новосибирск, 1974. – С.177-183.

³ Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. – К., 2006. – С.316.

⁴ Спирина Л. Ковши, чаши, братины, чарки. // Антиквариат. – М., 2007. – Январь-февраль. – С.12.

⁵ Петренко М.З. Українське золотарство XVI – XVIII століть. – К., 1970. – С.69.

⁶ Там же. – С.66 – 67.

⁷ Рашкован Н.В. Художественное серебро XVI – XVIII веков с территории исторической и современной Речи Посполитой в Музеях Московского Кремля. – Варшава, 2006. – С.62.

⁸ Петренко. Вказ. праця... – С.107.

⁹ Там же. – С.66-67,69-70.

- ¹⁰ Спирина Л. Указ.соч... – С.14.
- ¹¹ Там же. – С.12.
- ¹² Киево-Печерская Лавра в ее прошедшем и нынешнем состоянии. / П.Л.– К., 1886. – С.50-51.
- ¹³ Титов Ф. Краткое историческое описание Киево-Печерской Лавры. – К., 1911. – С. 98.
- ¹⁴ Киево-Печерская Лавра ...– С.109.
- ¹⁵ Русский биографический словарь /Модзалевский Б.Л. – Т. 17. – Петроград, 1918. – С.60.
- ¹⁶ Там же. – С.60.
- ¹⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. – Т.3. – Спб.,1878. – С.479-480.
- ¹⁸ Русский биографический словарь ...– Т. 17. – С.60.
- ¹⁹ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. – Спб.,1886. – С.500-501.
- ²⁰ Там же. – С.299-300, 332.
- ²¹ Там же.– С.501.
- ²² Амвросий. История российской иерархии. – Ч.2 – М., 1810. – С.51.
- ²³ Киево-Печерская Лавра ...– С.109.
- ²⁴ Титов. Указ.соч... – С. 98.
- ²⁵ Страдомский А. Слово на погребение архимандрита Киево-Печерской Лавры, преподобного отца Романа Копы // ДВ – 1865. – №10. – С. 241-249.
- ²⁶ Амвросий.Указ.соч. – С.12.
- ²⁷ Киево-Печерская Лавра ...– С.32.
- ²⁸ Описание документов и дел, хранящихся ...– Т.15. – Спб.,1878. – Д. № 305.
- ²⁹ Киево-Печерская Лавра ...– С.38.
- ³⁰ Гольдберг Т., Постникова-Лосева М. Русское золотое и серебряное дело XV – XX веков. – М.,1967. – С.168.
- ³¹ Петренко. Вказ.праця... – С.119.
- ³² Hintze E. Die Breslauer Goldschmiede. – Breslau, 1906. – Taf. II, № 6, Taf. IV, № 102.
- ³³ Петренко. Вказ.праця... – С.45.
- ³⁴ Иерофей. Брянский Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. – М., 1866. – С. 27.
- ³⁵ Титов. Указ.соч. – С. 98.
- ³⁶ Киево-Печерская Лавра ...– С. 110.
- ³⁷ Кагамлик С. Киево-Печерська лавра: світ православної духовності і культури (XVII-XVIII ст.). – К., 2005. – С. 294.
- ³⁸ Киево-Печерская Лавра... – С. 110.
- ³⁹ Тарановский Н. Город Киев и его окрестности с топографическим планом, адрес-календарем и месяцесловом на 1881 год. – К., 1881.
- ⁴⁰ Mencil W. Znakowanie sreber Wrocławskich 1539-1945. Aktualny stan badań. – Jelenia Góra. – № 18. (в печати)
- ⁴¹ Mencil W. Znakowanie sreber Wrocławskich 1539-1945. – Jelenia Góra. – № 17(в печати); Hintze E. Die Breslauer Goldschmiede. – Breslau, 1906. – Taf. IV, № 146.
- ⁴² Березова С.А., Волковинська О.А. Аугсбургське срібло в колекції МІКУ // Музейні читання. Мат. наук. конф. МІКУ «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки». – Київ, МІКУ, 12 – 14 листопада 2007 р. – К., 2008. – С. 208 - 209.
- ⁴³ Там же.



Рис.1.

Чарка работы мастера Матвея Наруновича. Киев. (ДМ 1062)

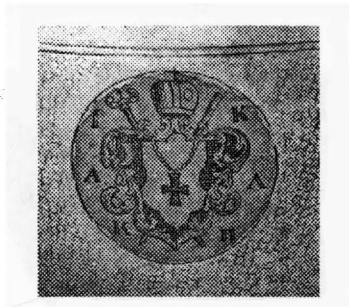


Рис.2.

Изображение герба Романа Копы на корпусе чарки. ДМ 1062

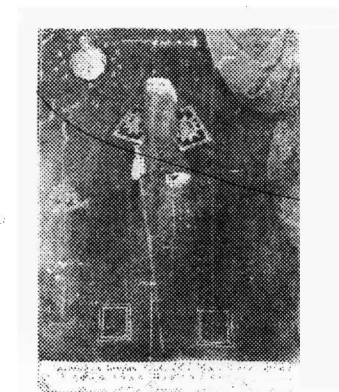


Рис.3.

Портрет Романа Копы. КПЛ-п-482



Рис.4.

Клеймо мастера и цифровая помета на внешней части дна чарки. ДМ 1062



Рис.5.

Чарка работы мастера Даниэля Вольфа. Вроцлав. ДМ 1083



Рис.6.

Клейма и цифровая помета на дне чарки. ДМ 1083



Рис.7.
Чарка работы Матвея Наруновича. Киев. ДМ 1061

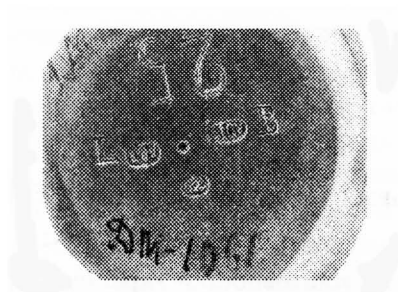


Рис.8.
Клейма, цифровая и буквенные пометы на дне чарки. ДМ 1061



Рис.9.
Чарка работы мастера Йоганна Готлоба Боттигера. Вроцлав. ДМ 1071

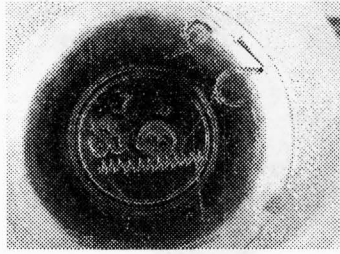


Рис.10.

Клейма, цифровая и буквенные пометы на дне чарки. ДМ 1071

Ковальова Н.М.

Вотуми польських майстрів та фірм XVIII – поч. XX ст.

У Музеї історичних коштовностей України представлена унікальна колекція вотумів, що нараховує бл. 900 предметів. Вони виконані майстрами різних країн: України, Росії, Польщі.

Золотарство у Варшаві має давні традиції. Першим безперечним свідченням існування золотарського цеху в місті є цеховий статут від 13 червня 1516 р., наданий міською радою та затверджений у 1554 р. королем Зигмундом Августом. Той статут з різними змінами та доповненнями підтверджували наступні монархи, особливо коли столицю Речі Посполитої було перенесено до Варшави. Примітно, що король Станіслав Август затвердив 7 вересня 1785 р. цілком новий цеховий статут, опрацьований, головним чином, самими золотарями, бургомістром, війтом та міською радою. Після занепаду Речі Посполитої департамент поліції 11 жовтня 1787 р. видає ординацію стосовно «способу клеймування срібла у Варшавських майстернях».

Згідно зі статутом 1516 р., золотарі Старої Варшави повинні були виконували вироби зі срібла 15-лотової проби, єдине в дрібних галантейних виробках допускалася проба 14. За якість проби відповідав цех: у майстернях що два тижні здійснювався контроль, який полягав у тому, що на предметах треба було ставити клеймо майстра та клеймо міста,